

лит. газ. - 1996 - 22
Урок
немецкого

**Гамбургский театр
"Дойчес Шаушпильхаус",
режиссер Йосси Вилер**

СПЕКТАКЛЮ предшествовала реклама. Не официальная (это само по себе), а веселая, исходящая из уважаемых коллег. "Тучи. Очаг" Эльфриды Елинек были отмечены и на фестивале в Польше, и на "Берлинских театральных встречах", признавших и самый спектакль, и шесть его актрис (прямо-та-

ки всех шестерых!) лучшими в году. На пресс-конференции, состоявшейся после первого представления в Москве, немногие собравшиеся с жаром обсуждали политическую смелость пьесы и ее интерпретаторов, рискнувших задуматься об опасности, какая таится в бесспорных, казалось бы, понятиях — патриотизм, национальное самосознание. Отмечали и значимость подобного спектакля для нашей страны сегодня, когда идея избранности народа, его "особого пути" готова, кажется, поглотить здравый смысл. Кто-то даже отважился предположить, что было бы, если бы режиссер-пришелец (Йосси Вилер уроженец Швейцарии, начавший карьеру в Израиле, работает в Германии с 1980 года), позволил себе в сегодняшней России спектакль-размышление об особенностях национальной мифологии "коренного населения"...

Вечером для московской публики спектакль шел еще раз. И был принят

достаточно прохладно. Противники говорили о невероятной скуке, сторонники клеймили глухоту зрительного зала, его политическую пассивность и философскую неподготовленность. Что же случилось?

Елинек, известнейшая австрийская писательница, использовав тексты величайших мыслителей и поэтов Германии — Фихте, Гегеля, Хайдеггера, Гёльдерлина, Клейста, — создала, при минимальном собственном вмешательстве, пьесу-монолог, своеобразный поток сознания. Этот монолог не принадлежит никому конкретно, его лирическое "я" заменено на "мы". Это "мы" пронизывает пьесу: "Теперь мы дома... мы у себя... мы принадлежим самим себе... мы у себя дома".

...Погас свет, и в странном помещении, похожем то ли на человеческое жилище, давно оставленное обитателями, то ли на бункер (а скорее на то и другое вместе) заговорили, заголосили, зарыдали, заклиная себя и друг друга, сразу

шесть женщин. На мгновения они замолкали, разглядывая оставленные кем-то вещи военного времени, листая старые книги, перечитывая пожелтевшие письма. Одна прижимала к лицу извлеченный из шкафа гитлеровский офицерский мундир, другая закуривала найденную в пепельнице сигару. Они вспоминали. Своих отцов, братьев, мужей. Свою биографию, биографию всего народа. Мужской мир агрессивно вторгся в мир женский, пробуждал прапамять, заставлял работать подсознание. Дым сигар оказывался для этих женщин дымом того Отечества, которое так легко потерять, потерпев поражение в битве, и которое они истово — небезуспешно — пытались себе вернуть.

Режиссер Вилер сделал спектакль о том, как страшна эта фанатическая потребность заморозить, заклясть себя извечной, имевшей столь трагические последствия идеей пангерманизма; как опасен знаменитый миф "крови и поч-

вовновь в разных странах восстающий из небытия. Вслед за Елинек, он не боялся увидеть корни этого в великой немецкой философии и литературе. Правда, всякое цитирование опасно и двусмысленно: в великом духовном наследии Германии можно найти и иные высказывания, диаметрально противоположного смысла.

Впрочем, пафос создателей спектакля чист и благороден. И прочитывался он со сцены отчетливо, ясно.

К сожалению — слишком ясно, проявившись в первые же пятнадцать минут. Дальше действие при кажущейся внешней динамике стало прокручиваться на месте. Режиссерский прием стремительно истощивал себя. Прекрасный и совершенно неожиданно зазвучавший текст? Но надо быть слишком погруженным в мир немецкой культуры, чтобы в анонимных цитатах прочитать подтексты и дополнительный смысл. Вливаясь в уши наших зрителей переводческой ско-

роговоркой, текст оставался некоей слитной массой. Актрисы? Но существуя вполне достойно в системе спектакля, ни одна из них не заставила вглядываться в себя. Спектакль на глазах превращался в блистательно организованную литературную композицию.

К середине недолгого действия в зрительном зале повисла скука. И стало понятно, почему критика так много говорит о том, что хотели сказать создатели спектакля "Тучи. Очаг", и так мало — о том, как они это сделали. А сделали они это очень неплохо, но — не по законам театра. И наша публика, перекормленная в свое время зрелищем идеологизированным, вежливо отодвинула от себя блюдо, показавшееся дежурным. Спектакль, благороднейший по смыслу и абсолютно лишенный, к стати сказать, грубых приемов политического театра, не прозвучал так, как мог бы. Жаль...

Ирина ХОЛМОГорова